

ОТ «ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО» К ТЕЛЕКАНАЛУ «ИСТОРИЯ»: КУЛЬТУРНОЕ ПРЕДАНИЕ В ПУБЛИЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

О.А. ЖУКОВА

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»*

Речь в статье идет об осмыслении отечественной истории в контексте истории всеобщей, начатом Карамзиным и продолженным Грановским и Ключевским. Автор убеждена: только с участием российского гражданского Общества можно создать новый нарратив истории, культурное предание – основу общественного договора, согласия Общества по поводу прошлого, настоящего и будущего России, что позволит изучать прошлое не ради прошлого, но как живую часть культурного опыта страны.

Ключевые слова: осмысление, прошлое, будущее, история, нарратив истории, гражданское Общество, культурное предание.

Обращаясь к теме культурного предания и реальности истории, отметим, что отечественная история сегодня становится своеобразным экраном, демонстрирующим причины «неустройства» общественного бытия и нерешенный вопрос – к какой цивилизации и культуре должна отнести себя Россия. Спор об интерпретации, спор о возможности единого учебника истории, спор о поли-

тики памяти и забвения обозначают болевые точки исторического самочувствия нации. Но это не снимает, а скорее подчеркивает главную проблему, которая заключается в том, что вне целостного нарратива истории нация существовать не может. Создавая образ будущего, общество необходимым образом обращается к опыту прошлого.

Живую диалектику сложения культурного предания Руси/России и историософской традиции, его толкующей, можно проследить от первых летописных свидетельств «Повести временных лет». Путь создания культурно-исторического нарратива, на основе которого создается национальный консенсус, от древнерусских авторов ведет к немецким историографам имперской России – Готлибу Байеру, Герхарду Миллеру, Августу Шлёцеру и далее к создателям национальной истории – Михаилу Ломоносову и Василию Татищеву. Но превратить труд, посвященный истории Отечества, в культурное событие общенационального масштаба и сделать его фактом общественного сознания, своего рода, новой интеллектуальной дискурсивной практикой, удалось именно Николаю Михайловичу Карамзину, проявившему имперскую лояльность и написавшему вслед за своими предшественниками, государственную и династическую историю. По мысли автора, историческим чувством и осознанным отношением к истории Отечества должно было проникнуться все русское общество.

Воспитанный на классических текстах древней и новой истории, в полной мере вобравший в себя дух и ценности европейского Просвещения, будущий автор «Истории государства Российского», Н.М. Карамзин еще в «Письмах русского путешественника» сокрушался об отсутствии литературно обработанной, философски промысленной и, вместе с тем, научно верифицированной отечественной истории. Всю силу своего таланта он отдал этой задаче, совершив работой историка и философа, в оценке Пушкина, «подвиг честного человека» [6, с. 287]. Карамзин кардинально изменил

статус литературы, создав, по словам Ю.М. Лотмана, «не только произведение, но и читателя». Как замечал автор книги «Сотворение Карамзина»: «У всякого, кто изучает читательскую аудиторию 1780-х и 1800-х годов, создается впечатление, что за эти двадцать лет произошло чудо – возник читатель как культурно значимая категория» [4, с. 221]. После Карамзина литература и история как художественное и идейно-смысловое начало культурной и политической жизни стали общественно значимыми явлениями.

Просветительские усилия Карамзина заложили «основу народной исторической образованности» [8, с.11]. С 1803 года он посвятил себя колоссальной работе, став главным Историографом имперской России. Взяв на себя эту миссию, сочетавшую функции исследователя, летописца, художника и философа, Карамзин, по меткому замечанию П.А. Вяземского, «постригся в историографы». Каковы бы не были оценки исторического творчества Карамзина, его научной состоятельности и философско-политической программы, данные последующими поколениями русских историков, можно смело утверждать, что труд Карамзина является гражданским и научным подвигом. Культурно значимая категория читателя, появившаяся благодаря Карамзину, о которой справедливо говорит Лотман, это новое читающее и думающее русское общество, пусть пока и ограниченное сословными рамками. Но это был важный шаг в сторону просвещения и интеллектуальной свободы, создающий большой задел для будущей совместной работы историков и общества, всей нации.

Карамзин коренным образом изменил отношение русских людей к истории своего Отечества. По существу Карамзиным отечественная история была заново открыта и предъявлена образованному обществу в многообразии событий, персонажей и характеров. После Карамзина русская история стала восприниматься как *национальное предание*, имеющее глубокий нравственный и гражданский смысл. Эстетика гражданственности, восходящая

к классицистской идее идеального гражданина, усиленная просветительским пафосом, придала необычайный моральный вес историческим изысканиям Карамзина и превратила чтение и обсуждение книг в *общее дело* – в публичное событие духовно-нравственного и политического порядка.

Начало публикациям было положено в 1816 году. В.А. Жуковский в письме к И. И. Дмитриеву от 18 февраля 1816 сообщал: «У нас здесь праздник за праздником. Для меня же лучший из праздников: присутствие здесь нашего почтенного Николая Михайловича <Карамзина>.... Недавно провел у него самый приятный вечер. Он читал мне описание взятия Казани! Какое совершенство! И какая эпоха для русского – появление этой Истории! Такое сокровище для языка, для поэзии, не говоря уже о той деятельности, которая должна будет родиться в умах. Эту Историю можно назвать воскресителем прошедших веков бытия нашего народа...», – прозорливо заключает Жуковский [5, с. 141.].

У Пушкина мы встречаем важнейшее свидетельство о воздействии, произведенном в русском обществе первыми публикациями «Истории государства Российского». «Это было в феврале 1818 года. Первые восемь томов «Русской истории» вышли в 1818 году. Я прочел их в моей постели с жадностью и со вниманием. Появление сей книги (так и быть надлежало) наделало много шума и произвело сильное впечатление, 3000 экземпляров разошлись в один месяц (чего никак не ожидал и сам Карамзин) – пример единственный в нашей земле. Все, даже светские женщины, бросились читать историю своего отечества, дотоле им неизвестную. Она была для них новым открытием. Древняя Русь, казалось, найдена Карамзиным, как Америка – Колумбом. Несколько времени ни о чем ином не говорили» [6, с. с. 286].

Для радикально настроенных «молодых якобинцев», по определению Пушкина, Карамзин стал апологетом самодержавия. Но Пушкин же справедливо отвечал таковым, что Историограф

был освобожден Царем от цензуры, чем «налагал на Карамзина обязанность всевозможной скромности и умеренности» [6, с.287].

Эту меру личной сдержанности при полной ответственности за высказывание и, в конечном итоге, отсутствие какой-либо политической конъюнктуры высоко оценил Гоголь, открыто восхищаясь внутренней свободой Карамзина-писателя, исследователя и мыслителя. «Карамзин первый показал, что писатель может быть у нас независим и почетен всеми равно, как именитейший гражданин в государстве. Он первый возвестил торжественно, что писателя не может стеснить цензура, и если уже он исполнился чистейшим желанием блага в такой мере, что желание это, занявши всю его душу, стало его плотью и пищей, тогда никакая цензура для него не строга, ему везде просторно. Он это сказал и доказал. Никто, кроме Карамзина, не говорил так смело и благородно, не скрывая никаких своих мнений и мыслей, хотя они и не соответствовали во всем тогдашнему правительству, и слышишь невольно, что он один имел на то право. Какой урок нашему брату писателю!» – восклицал Гоголь [2, с.233].

«История государства Российского», в первую очередь как произведение русской словесности, продолжало воспитывать гражданские чувства и вдохновлять на изучение и творческое переосмысление значимых событий и сюжетов культурного предания Отечества. Вершиной новой художественной интерпретации русской истории в духе моральной и политической философии Карамзина стали «Борис Годунов» Пушкина с посвящением автору «Истории Государства Российского» и «Жизнь за царя» Глинки, совершившие эстетический переворот в русском искусстве в отношении к традициям, артефактам и носителям национальной культуры. Без сформированной Карамзиным потребности знать и изучать отечественную историю, расширившей формат публичного дискурса и взрастившей вкус к истории, эти шедевры русской литературы и музыки появиться не могли.

Значим также тот факт, что процесс формирования общенационального исторического консенсуса, начатый Карамзиным был усилен военно-политическим успехом России, одержавшей победу над Наполеоном. Патриотический подъем на некоторое время объединил все сословия Российской империи, ее правящий класс, военно-аристократическую элиту и народ, горожан и крестьян. Этот момент единства придал колоссальный творческий импульс русскому обществу, побуждая задать исторический вопрос о самом себе. Не случайно А.И. Герцен, автор «Былого и дум», быть может, самых значительных литературно-философских мемуаров XIX века, начинает биографическое повествование, вплетая его в нарратив национальной памяти о войне с французами. Эмоционально переживая свою экзистенциальную и провиденциальную включенность в эпохальные для России события, незаконно рожденный отпрыск богатого и знатного рода Яковлевых, слушая в сотый раз рассказ няньки об эвакуации семьи с младенцем Сашей, «с гордостью улыбался, довольный, что принимал участие в войне» [1, с.10].

Патриотическое чувство, охватившее общество, побуждало художественную и научную мысль. Особенно чутким к нравственной составляющей отечественной истории оказалось молодое поколение. Так, окрашена в патриотические и романтические тона трагедия «Василий Шуйский» (1829), написанная юным Николаем Станкевичем. Используя пятистопный ямб, шестнадцатилетний автор стремится выразить свои патриотические чувства, заклеить «козни и крамолы» врагов отечества, которые «народ из низкой зависти и злобы развращают» [7, с.128]. К этому патриотическому роду сочинений относится и «Бородино», послужившее началом литературной известности Михаила Лермонтова. Как известно, в основу произведения были положены рассказы участников сражения, в том числе и родственников поэта. Напечатанное на страницах пушкинского «Современника», стихотворение мо-

лодого Лермонтова явно носило программный характер, словно продолжая историсофскую линию Пушкина.

Но это наметившееся было духовное единение и сплочение народа и власти, аристократии и податного сословия драматическим образом не состоялось. Герцен, испытав тяжелые «объятия» николаевского режима, уехал из России в 1847 году. Он принадлежал к поколению, которое было пробуждено духом великой победы. Но для молодых русских интеллектуалов, наследников этой славы, исторический консенсус после декабря 1825 года нужно было создавать заново. После трагедии декабристов, по мнению автора «Былого и дум», политическое развитие России было прервано, «все передовое, энергическое вычеркнуто из жизни» [1, с. 369–370]. Испуганное дворянство выслуживалось, народ продолжал молчать. И только дети, находясь, между «крышей и основой», подняли голову. По мнению Герцена, именно «этими детьми ошеломленная Россия начала приходить в себя» [1, с. 369–370].

Для Герцена, как и для большинства образованного общества, история и литература оставались пространством свободы. В отсутствие политических свобод почвой для возрастания гражданского самосознания стали литературные гостиные. По свидетельству Герцена, «Москва входила тогда в эпоху возбужденности умственных интересов, когда литературные вопросы, за невозможностью политических, становятся вопросами жизни. Появление замечательной книги («Мертвые души» Гоголя – О.Ж.) составляло событие; критики и антикритики читались и комментировались с тем вниманием, с которым, бывало, в Англии или во Франции следили за парламентскими прениями. Подавленность всех других сфер человеческой деятельности бросала образованную часть общества в книжный мир, и в нем одном действительно совершался, глухо и полусловами, протест против николаевского гнета, тот протест, который мы услышали открытее и громче на другой день после его смерти» [1, с. 473].

Ограниченность публичного пространства в России литературными салонами и интеллектуальными кружками свидетельствовало о том, что вопрос о русской истории был тесно связан с вопросом о русской власти и русской свободе. Эта кружковская форма идейного самоопределения русской молодежи стала ответом на политическое закручивание России. Николаевское правительство «разобралось» со студентами-смутьянами, среди которых оказался и Герцен, превратив их в политических заключенных и ссыльных. На этой драматической развилке пути русской молодежи в понимании прошлого, настоящего и будущего России стали расходиться. Размежевание отныне пошло по линии исторического самоопределения России, цивилизационного выбора путей ее развития в духе прославянского самобытничества Руси/России, с одной стороны, и универсализма западноевропейской культуры как основы русской цивилизации – с другой.

Однако в среде русских интеллектуалов середины XIX века проявила себя и другая линия историософии – линия русского европеизма, направленная на универсализирующий синтез ценностей национальной культуры и европейского Просвещения. Выдающийся представитель русского европеизма, историк Т.Н. Грановский наследовал ее от своего друга и учителя Н.В. Станкевича. Опираясь на историю, как на великую книгу народов, в чем он, безусловно, продолжал и главную мысль Карамзина, Грановский повлиял на жизнь целого поколения мыслящих людей, которые употребили свой труд на исправление застарелых болезней российского социума, благо для них реформами Царя-освободителя открылась такая возможность. Справедливо говорить, что своими публичными историческими лекциями профессор Московского Императорского университета Грановский занял место идейного лидера и коммуникатора эпохи. По сути, он оказался пионером нового типа общественной коммуникации, включаясь в работу по формированию публичного пространства в России, вынося идей-

ные споры за пределы салонов и дружеских кружков. В рамках образовательно-просветительской дискурсивной практики Грановский превратил университетскую кафедру в общественную трибуну, оставаясь верным своим внутренним принципам и клятве отдать все силы просвещению России, которую он вместе с Януарием Неверовым дал перед Станкевичем [3, с.653].

В логике просвещения как «залога освобождения русского народа» [3, с.653] роль исторической науки и роль историка-исследователя и преподавателя заключалась в том, чтобы приводить сознание человека и общества к уяснению исторических законов. Настоящая цель в полной мере была воспринята и творчески воплощена В.О. Ключевским, хорошо прочувствовавшим главную проблему национальной истории – расхождение русского просвещенного ума с действительностью национально-культурной жизни после радикальных петровских преобразований. Стремясь понять причину русской неустроенности, Ключевский сформулировал *религиозный и социально-политический вопрос русской истории*. Ученый рассматривал ее с точки зрения взаимосвязи трех важнейших культурологических концептов – *обращения к прошлому* (культурная память), *идентичности* (культурной, цивилизационной, политической) и *культурной преемственности* (формирование и передача традиции), что позволило Ключевскому прочитать и интерпретировать отечественную историю как целостное культурное предание. Он первый обратил внимание на проблему становления социальных институтов на фоне борьбы групповых интересов и влияния личностного фактора, отчетливо проявляющего себя в российской истории. По сути, Ключевский, обратившись к церковно-государственной истории Руси/России, предпринял попытку написать *историю зарождения русского гражданского общества* – историю полноправной европейской культурно-политической нации, имеющей общий христианский исток с Западной Европой. Именно эта историсофская концепция

Ключевского послужила источником развития социально-философской мысли и политических идей на рубеже столетий, повлияв на взгляды выдающихся русских философов, художников и политических деятелей от Милюкова до Федотова.

Становится понятным, почему разрушившие историческую Россию большевики, провозгласившие построение «нового мира» с чистого листа, историческое знание подвергли не столько радикальной ревизии, сколько выхолостили и оскопили его. К формированию нового исторического сознания оказалось причастно и искусство, встроенное в идеологический формат советского государства. При этом нельзя отрицать ни значимых научных достижений советской исторической школы, ни вершинных творений советской литературы и искусства, обращавшихся к исторической тематике. Гениальный союз Эйзенштейна и Прокофьева в «Александре Невском» и «Иване Грозном», сага Герасимова «Тихий Дон», эпохальная экранизация Бондарчука «Война и мир», как и психологический реализм фильмов о войне, снятых талантливой плеядой советских режиссеров, являются и сегодня мощным эстетическим средством воспитания исторического самосознания.

Постсоветский период также демонстрирует попытку создать новый канон истории с опорой на патриотическую риторику, переосмысляя, в том числе, достижения дореволюционной и советской исторической школы. Политически ангажированная битва за историю привлекает сегодня внимание общества к насущным социальным и духовным проблемам политической и духовной жизни страны, но, следует признать, вносит зерно раздора. Самой массовой площадкой в обсуждении сюжетов отечественной истории остается телевидение. Одним из наиболее показательных примеров публичной актуализации истории стал масштабный телевизионный проект 2008 года «Имя России» и будоражающая общественное мнение передача «Исторический процесс». Последняя была выпущена телеканалом «Россия» в 2011

году (ей предшествовала передача «Суд времени» на 5 канале в 2010 году). В телешоу в жанре открытого диспута «боролись за историческую правду» непримиримые идеологические оппоненты – историк Н. Сванидзе и политолог С. Кургинян, и попеременно выступающий в роли то адвоката, то обвинителя журналист Л. Млечин. Примечательно, что оба проекта – «Имя Россия» и «Исторический процесс» относятся к периоду президентства Д. Медведева, выступившего с идеей исторического проекта новой России, призванной совершить модернизационный рывок в будущее с опорой на национальную культуру и историю. Для реализации модернизационного проекта «четырёх и» – инновации, институты, инвестиции, инфраструктура – необходим был общенациональный консенсус как залог политической стабильности и экономического развития, используемый в качестве ресурса мобилизации. Обращение к духу истории можно расценивать как запрос на метафизическую составляющую этого инструментального по идеологии, целям и средствам реализации проекта. Историзация инструментального проекта была, безусловно, нужна для вживления в социальную ткань и общественное сознание идеи мобилизационного вхождения в актуальную современность.

Именно эту попытку согласовать метафизические и инструментальные ценности в новом проекте строительства государства и нации достаточно зримо и ярко продемонстрировал главный официальный канал страны, организовав телепроект «Имя Россия» с ведущим «фронтменом» А. Любимовым. Выбор ведущего весьма показателен и отнюдь неслучаен. Он отсылал зрителей к телевизионной эпохе гласности и перестройки, к опыту ускорения и бурному развитию общественной дискуссии на злободневные темы. В рамках проекта путем голосования из 500 имен выдающихся деятелей русской и советской истории и культуры были выбраны для телевизионного этапа 12 имен. Среди ведущей финальной тройки Александр Невский, Петр Столыпин, Иосиф Сталин и приблизив-

шегося к ним Александра Пушкина, победил Александр Невский. Апелляция к святому воину, образ и подвиг которого представлял на суд зрителей и жюри (во главе с Н. Михалковым) Патриарх Кирилл, продемонстрировала стремление связать воедино все периоды жизни Руси/России и создать новый патриотический канон русско-советской истории. При этом полученный при голосовании результат, возможно, и принадлежит зрителям, но его «модерирование» явно входило в первоначальный замысел организаторов масштабного телевизионного шоу на тему исторической памяти и культурного самосознания нации. Напомним, что список менялся и даже «обнулялся» не один раз на предварительных этапах электронного голосования. Так, голосование по выходу в третий тур было начато заново по официально объявленной причине «войны машин», хакерских атак на сайт и флешмобов при голосовании.

Сегодня «Имя Россия» имеет продолжение в виде всероссийского Интернет-форума под названием «Имя России – Исторический выбор России», демонстрируя утверждающийся патриотический консенсус, об идеологическом доминировании которого заявляет власть. Его смысл и назначение авторы определяют как «открытый проект для всех, кому не безразлична история, традиция, вера и будущее своего Отечества. Сегодня слишком многие хотят сделать из России некое безликое объединение граждан, озабоченных лишь одной целью – целью личного обогащения. Поступая так, предатели своего народа, пытаются обезличить Россию. И помешать их планам, казалось бы, нет возможности. Но мы говорим – хватит! Имя России – Личность и Национальное самосознание»¹. Как можно заметить, патриотическая настроенность раскрывается через риторическую формулу противостояния «врагам Отечества», к которым отнесена часть общества, разде-

¹ См.: Электронный ресурс: <http://nameofrussia.org/> Дата обращения 11.04.2016.

ляющая буржуазные ценности, по определению авторов форума, философию обогащения. Не трудно сделать вывод, что данный дискурс присвоен левыми силами, охотно использующими патристическую тему.

Каковы бы не были цели и ценности, разделяемые авторами упомянутых выше телевизионных передач и многообразных Интернет-сайтов с исторической, социально-политической и религиозно-культурной тематикой, посвященной России, данные формы актуализации исторического предания в публичном пространстве отражают важнейший социальный и ментальный процесс – *процесс формирования культурно-политической нации*. В этом смысле любое общество, как и российское сегодня, нуждается в процедуре самообоснования. Вспомним, как «Энеида» Вергилия стала рукотворным культурным мифом имперского Рима, заложив основы его политической субъектности, и вместе с этим и претензии на неоспоримое право доминировать в культурной истории древнего мира. В реальном историческом процессе события прошлого и настоящего тесно переплетены. Прошлое, спроецированное на экран настоящего, выступает канвой культурного предания, на чьей основе составляется рисунок настоящего. Важнейшей интеллектуальной процедурой является реконструкция и запись культурного предания, которое в конкретный момент времени должна и способна актуализировать нация – заново прочитывать и понимать.

В 2000-е линия на восстановление исторической преемственности постепенно становится наиболее заметной, определяя основы культурной политики государства. Так, госзаказ возвращает большие исторические и военные сюжеты в кино. Озаботившись вопросом национально-культурной идентичности российского общества, власть также активно использует современный инструмент мультимедиа. Привлекая к историческим проектам лояльных ученых, российское государство ищет политического

союзника и партнера в Русской Православной Церкви. Музейно-выставочные пространства с развернутыми на них грандиозными выставками становятся лабораторными площадками по выработке общенациональной идеи. Примером являются две интерактивные выставки-форумы: «Православная Русь. Романовы», посвященная 400-летию дома Романовых (2013), и «Моя история. Юриковичи» (2014) в Центральном выставочном зале «Манеж». Успех выставок способствовал продолжению идеи тематической репрезентации Российской истории в мультимедийном выставочном формате. Проект увенчался открытием в начале 2016 года, в обновленном 57 павильоне на ВДНХ, исторического парка «Россия – моя история», вобрав в себя конструктивные и содержательные элементы ранее состоявшихся выставок.

Стоит отметить появление еще одного важного инструмента, участвующего в процессе актуализации истории. 9 мая 2013 года начал вещание специализированный телевизионный канал «История», дополнив серию цифровых каналов ВГТРК познавательного характера. Идея канала определяется девизом: «Телеканал “История” берется доказать: история – это ярко, интересно, интригующе и познавательно».² «Философия телеканала “История”, – сообщается на официальном сайте, – это самый широкий взгляд на эволюцию человечества: от древнейших цивилизаций и великих открытий прошлого до величайших загадок и тайн настоящего, а также великие войны и победы, великие люди, великая любовь и предательство – все то, что делает историю интересной и увлекательной. Программное наполнение телеканала состоит из продуктов собственного производства и лучших зарубежных форматов крупнейших мировых студий».³

² Электронный ресурс <http://istoriya.tv/index>. Дата обращения 11.04.2016.

³ Электронный ресурс <http://istoriya.tv/index>. Дата обращения 11.04.2016.

Обращает на себя внимание, что в линейке канала 4 специальных цикла, посвященных истории России. Среди них – цикл «Символы России», рассказывающий о достижениях российской цивилизации, «История России в орденах», «История СССР. Как это было» и программа «Русский мир» – о вкладе наших соотечественников в культуру и историю. Заметно стремление авторского коллектива канала интегрировать советский период в большое время истории Руси/России, найти ценностные и идейно-политические основания для стягивания различных историко-культурных эпох в единый нарратив. Тем самым, телеканал, помимо познавательных и научно-просветительских задач, выполняет и общественно-политический заказ на формирование исторического канона, апробируя подходы и методологию историко-культурного стандарта, предлагаемого в качестве основы единого учебника истории.

Безусловно, выставочные и телевизионные опыты реконструкции отечественной истории, о которых шла речь, можно оценить положительно, принимая во внимание и творческий потенциал современных медиа, и охват аудитории, которой предлагается просветительский и познавательный контент. Немаловажно и то, что мультимедийный, электронный формат становится неотъемлемой частью новых учебных пособий. В этом смысле интерактивные формы репрезентации отечественной истории в музейно-выставочных проектах отвечают задаче создания учебных пособий нового типа, и работа здесь идет в одном направлении. Однако главной задачей в процессе создания актуальной версии культурного предания по-прежнему является задача неангажированного изучения духовно-культурного и политического опыта России. В условиях «приватизации» публичного пространства доминантной группой властных элит она становится еще более насущной, в первую очередь для профессиональных кругов и гражданского общества.

Только с их активным участием новый нарратив истории сможет взять на себя роль культурного предания, вокруг которого должен выстраиваться общественный договор – согласие нации по поводу прошлого, настоящего и будущего России. Работа по осмыслению отечественной истории в контексте всеобщей, начатая Карамзиным и продолженная Грановским и Ключевским, должна стать актом самопознания и интеллектуальной рефлексии современного российского общества, что позволит изучать прошлое не ради прошлого, но как живую часть культурного опыта нации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Герцен А.И. Былое и думы. М.: Захаров, 2003. С. 10.
2. Гоголь Н.В. Выбранные места из переписки с друзьями // Гоголь Н.В. Собрание сочинений: в 8 т. М.: Правда, 1984. Т. 7. С. 233.
3. Грановский Т.Н. Публичные чтения. Статьи. Письма. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 670 с.
4. Лотман Ю.М. Карамзин: [сборник]. СПб: Искусство—СПБ, Б.г. (1997). С.221.
5. Погодин М.П. Николай Михайлович Карамзин, по его сочинениям, письмам и отзывам современников: материалы для биографии с примечаниями и объяснениями М. Погодина. М.: Тип. А.И. Мамонтова, 1866. Ч. 2. С. 141.
6. Пушкин А.С. Об искусстве: в 2 т. М.: Искусство, 1990. Т. 1. С. 287.
7. Станкевич Н.В. Стихотворения. Трагедия. Проза. М.: Типография и словолитня О.О. Гервека, 1890. 245 с.
8. Шмидт С. История государства Российского // Круг чтения. М.: Политиздат, 1991. 175 с.

FROM “HISTORY OF THE RUSSIAN STATE” TO THE CHANNEL “HISTORY”: A CULTURAL TRADITION I N THE PUBLIC SPACE

O. A. ZHUKOVA

*National research University
«Higher school of Economics»*

This article is about the interpretation of national history in the context of universal history, which was begun by Karamzin and continued by Granovsky and Kliuchevskoi. The author is convinced that only with the participation of Russian civil society it is possible to create a new narrative of history, cultural tradition – the basis of the social agreement, the consent of the society concerning the past, present and future of Russia, that will allow to study the past not for the sake of the past but as a living part of the cultural experience of the country.

Keywords: reflection, past, future, history, narrative history, civil society, cultural tradition.